

Д. И. БЕЛКИН

**«Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова
и «Арап Петра Великого» Пушкина**

Творческие контакты Пушкина с наследием К. Н. Батюшкова — тема отнюдь не новая в отечественном литературоведении *. Еще В. Г. Белинский неоднократно рассматривал процесс своеобразного влияния на молодого Пушкина «артистической натуры Батюшкова», чьи стихи, по наблюдению критика, оставались для выпускника Лицея «преимущественным образцом» **. Однако проблему эту — особенно если речь идет о прозе — вряд ли можно считать исчерпанной. В. Г. Белинский не анализировал прозаических произведений близкого предшественника Пушкина; в одной из статей он ограничился общей оценкой его прозы — «сладостной, гармонической» ***. Перечисляя «лучшие» произведения К. Н. Батюшкова, критик назвал вторым по художественным достоинствам «Вечер у Кантемира» ¹.

Пожалуй, в одном только В. Г. Белинский оказался неточен: поэзия К. Н. Батюшкова не отошла в прошлое. В наше время происходит новое, весьма серьезное и глубокое осмысление ее массовым читателем; появились и фундаментальные исследования о К. Н. Батюшкове, об отношении Пушкина к его творчеству ****.

* См.: История русской литературы XIX века: (Библиографический указатель под ред. К. Д. Муратовой). — М.; Л., 1962. — С. 144/ № 2806–2816.

** Белинский, В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. — .. 1955. — Т. 7. — С. 231, 280.

*** Там же. — Т. 5. — С. 274.

**** См.: Фридман, Н. В. 1) Проза Батюшкова. — М., 1965; 2) Поэзия Батюшкова. — М., 1971; Булгаков, Н. Н. К. Н. Батюшков и развитие в русской литературе первой четверти XIX в. реализма и народности // Проблемы реализма в русской литературе XIX–XX веков. — Днепропетровск, 1970;

Сказанное имеет непосредственное отношение и к нашей работе: в ней рассматривается своеобразие творческих контактов «французских» глав «Арапа Петра Великого» с «Вечером у Кантемира». Объектом подобного исследования названные произведения еще не были, хотя основания для этого, по нашим наблюдениям, имеются.

Творческие индивидуальности Батюшкова и Пушкина складывались в литературной среде «арзамасского братства». Когда 6 января 1817 г. на семнадцатом заседании «Арзамаса» было прочитано сочинение Батюшкова «Вечер у Кантемира», то его персонажи — Монтестье и Кантемир — были оценены слушателями «как живые и достойные члены Арзамаса». Большой похвалы у арзамасцев не было *.

Трудно, конечно, предположить, чтобы Пушкин в годы ссылки в Михайловское, в пору работы над «Арапом Петра Великого», оставался на уровне оценок и воззрений «арзамасской» молодости, однако несомненны как его глубокий интерес к петровским реформам, так и признание значения прозы К. Н. Батюшкова **.

Исследователи по-разному видят характер воздействия прозы Батюшкова на прозу молодого Пушкина. В одних работах показано, что мысли и образы старшего собрата «действительно переходили в прозу Пушкина» ***. В других утверждается, что проза Батюшкова была чужда таланту Пушкина «как жанровая и стилистическая

Сандомирская, В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова // *Временник Пушкинской комиссии*. 1972. — Л., 1974; Гиллельсон, М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. — Л., 1974. — С. 94 и след.; Семенко, И. М. Батюшков и его «Опыты» // *Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе*. — М., 1977. — С. 433–492; Брыгин, Никита. *Времен стремительная связь*. — Одесса, 1977; Кожинов, В. В. *Книга об истории русской поэзии XIX века*. — М., 1978; Грехнев, В. А. *Дружеское послание пушкинской поры как жанр* // *Болдинские чтения*. — Горький, 1978. — С. 32–48; Эйдлин, Л. З. *Читая старых поэтов...* // *Иностранная литература*. — 1980. — № 8. — С. 202–208.

* См.: Гиллельсон, М. П. Молодой Пушкин и арзамасское братство. — С. 95.

** Вспомним, что «старинную повесть» «Предслава и Добрыня», сочиненную К. Н. Батюшковым в 1810 г., Пушкин не только включил в «Северные цветы на 1832 год», но открыл ею завершающий том этого альманаха, а в кратком предисловии помимо других достоинств подчеркивал «прекрасный гармонический слог» произведения.

*** К такому выводу пришел Н. В. Фридман, рассматривая статью К. Н. Батюшкова «О характере Ломоносова» и «Вольтер» и «Путешествие в Арзрум» Пушкина; затем он отметил, что в духе батюшковской «Прогулки в Академию художеств» Пушкиным частично дан образ Петра во вступлении

система», что она была неприемлема своей «очень сильной стихией правоучительности» *, Все же более справедливым представляется нам другой аспект наблюдений: проза Батюшкова «в своих изолированных от контекста частях могла поражать его (Пушкина. — Д. Б.) верностью концепций, значительностью образов» **. Эти наблюдения несомненно ближе к цитированному мнению В. Г. Белинского.

Сопоставление начальных глав «Арапа Петра Великого» и «Вечера у Кантемира» осложнено тем еще, что названные произведения различны по жанру: в одном случае перед нами исторический роман, составляющий одни из узловых моментов пушкинского творчества, в другом — драматизированная философская беседа, имеющая аналогии и в русской и в западноевропейской литературе ***. Различен и временной фактор: события, описанные в романе Пушкина, происходят значительно раньше, чем в произведении Батюшкова, хотя оно было создано за десятилетие до «Арапа Петра Великого» — в 1816–1817 гг.

Представляя в романной форме биографию прадеда Ибрагима Ганнибала, какой она складывалась из семейных легенд и преданий, Пушкин, конечно, учитывал художественные открытия других авторов, особенно тех, кто хотя бы отдаленно касался проблем, аналогичных затронутым в «Арапе Петра Великого» ****. Работа над романом требовала от него выхода за пределы собственного опыта: предстояло соотнести художественный домисел с движением исторического времени, с поступками и решениями государственных деятелей Петербурга и Парижа. Пушкин с интересом отнесся к достижениям европейских романистов. Д. П. Якубовичем зафиксированы моменты соприкосновения сходных эпизодов «Арапа Петра Великого» (в основном его «петербургских»

к «Медному всаднику». См.: Фридман, И. В. Проза Батюшкова. — С. 158, 164.

* Семенко, И. М. Батюшков и его «Опыты». — С. 467.

** Там же.

*** Еще В. Г. Белинский указывал на неоправданно восторженную оценку К. Н. Батюшковым сочинения Н. Муравьева «Разговоры в царстве мертвых». См.: Лесохина Э. И. В библиотеке декабриста Никиты Муравьева // Книга. Исследования и материалы. М., 1969. Со. XVIII. С. 214, 217 и след.

**** См., например: Левкович, Я. Л. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Андрей Безыменный» А. О. Корниловна // Временник Пушкинской комиссии. 1967–1968. — Л., 1970. — С. 89–92.

глав) и таких романов Вальтера Скотта, как «Квентин Дорвард», «Пират»², * рисовавших, по наблюдениям Пушкина, взаимоотношения монархов и подданных в прошедшие времена «без холопского пристрастия к королям и героям» (XII, 195).

Рассмотрению «Арапа Петра Великого», его образной структуры в контексте европейского романа того времени посвящено исследование Анны Ахматовой. Ею были прослежены моменты соприкосновения и отталкивания одного из героев «парижских» глав «Арапа Петра Великого» — молодого Мервиля и заглавного персонажа романа «Адольф» Бенжамена Констан³. **

Творческая связь прозаического сочинения Пушкина с вершинными достижениями тогдашней западноевропейской литературы, а также упоминания в начальных главах «Арапа» таких парижских знаменитостей, как Аруэт⁴, Монтескье, Фонтенель⁵, отнюдь не означают, что, рассказывая об Ибрагиме, Пушкин-прозаик ориентировался на читателя — поклонника иностранной словесности. По словам П. В. Анненкова, он говорил друзьям: «Бог даст, мы напишем исторический роман, на который и чужие полюбуются»^{***}.

Начало работы над романом, как показывают исследования последних лет близко ко времени нового прочтения в Михайловском «Опытов» К. Н. Батюшкова^{****}. Это произведение оказало немалое воздействие «на выработку суждений о Монтескье русских прогрессивных писателей и мыслителей первой четверти XIX в.». Имя Монтескье пользовалось в России «в это время широкой по-

* Исследование было выполнено в самом конце 1920-х годов и подготовлено к печати в начале 1930-х годов. Публикация осуществлена Л. С. Сидяковым. См.: Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1979. — Т. IX. — С. 261–293.

** Ахматова, Анна. «Адольф» Бенжамена Констан в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. — М.; Л., 1936. — Т. 1. — С. 103, 105, 110. В содержательной монографии Л. И. Вольдерт «Пушкин и психологическая традиция во французской литературе» (Таллин, 1950) характеру отношений великого русского поэта к Б. Констану посвящена целая глава (С. 102–124).

*** Анненков, П. В. А. С. Пушкин. Материалы для его биографии и оценки произведений. — СПб., 1873. — С. 191.

**** См.: Сандомирская, В. В. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. — С. 30.

пулярностью», а «Вечер...» долго был любимым чтением, особенно в кругу декабристов*.

Как для К. Н. Батюшкова и его положительного героя, российского посла, так и для Пушкина и героя «Арапа Петра Великого» Ибрагима петровская Россия — страна еще не раскрытых возможностей. Об этом ведет беседу в Париже Кантемир с Монтескье и его другом аббатом В. Известно, что французский просветитель пристально изучал русскую историю, экономическую политику русского царя, причем подлинные сведения об этой стране, по замыслу Батюшкова, он получал от посла России — Антиоха Кантемира. Последний раскрыл своим собеседникам высший смысл деятельности Петра I: молодой царь развил в русских людях «все способности душевные; он вылечил их от болезни невежества; и русские под руководством великого человека доказали в короткое время, что таланты свойственны всему человечеству»**. Устами своего героя Батюшков спорит с теорией Монтескье о решающем влиянии климата как «первого из властей»*** на характер людей, на обычаи и нравы, наконец, на формы государственного устройства.

Воссоздавая эпизоды спора Кантемира Монтескье о роли Петра I в судьбах России, Батюшков вводит в речь французского философа цитаты из его «Духа законов». Этого требовали и идейная направленность произведения, и избранный жанр — драматизированная философская беседа. Пушкин же, касаясь аналогичных проблем, опровергает скептические утверждения Монтескье с помощью иных художественных средств, изображая конкретные обстоятельства судьбы Ибрагима, манеру его поведения в Париже и Петербурге, правдиво показывая его душевные движения, порой весьма противоречивые. Ни автор, ни его герой не ведут открытого спора с Монтескье, хотя Пушкин полностью солидарен с мнением Батюшкова, что «таланты свойственны всему человечеству». Из эпизодов романа читатель постигает, что суровый климат не препятствовал Ибрагиму проявлять большие способности, которые в петровской России раскрывались полнее, чем при дворе герцога Орлеанского. Небезынтересно, что последний, уговаривая молодого

* См.: Алексеев, М. П. Монтескье и Кантемир // Вестник ЛГУ. — 1955. — № 6. Серия общественных наук. Вып. 2. — С. 56–57. (См. также в наст. изд.)

** Батюшков, К. Я. Опыты в стихах и прозе. — С. 43.

*** Подробно об этом см.: Баскин, М. П. Монтескье. — М., 1965. — С. 76 и след.

африканца остаться в Париже, опирается на теорию Монтескье: «... ваше долговременное пребывание во Франции сделало вас равно чуждым климату и образу жизни полудикой России» (VIII, 8). Несостоятельность рассуждения как философа, так и герцога о невозможности просвещения в России опровергалась обстоятельствами судьбы Ганнибала, глубиной его духовных запросов, картинами жизни молодой русской столицы.

В романе Пушкина Монтескье указан среди знаменитостей, с которыми Ибрагим встречался на званых ужинах. На этой художественной детали — встречах с Монтескье, как бы воссоздающей образ жизни Ганнибала в Париже (что вряд ли имело место в действительности), необходимо остановиться подробнее. Перед нами пример реализации Пушкиным одного из самых важных для него нравственно-этических требований к человеку и государству: «И в просвещении стать с веком наравне» (II, 187). Ибрагим предстает как духовно близкий автору герой *. Здесь виден и давний романтический интерес к исключительной личности, и требование «мыслей и мыслей», предъявляемое Пушкиным к современной прозе.

Общение с Монтескье, Фонтенелем, молодым Аруэтом (будущим Вольтером) — вот, по Пушкину, одно из условий, которое помогло Ганнибалу стать одним из тех просвещенных людей, которые были столь «необходимы государству преобразованному» (VIII, 3). Примечательно, что в черновых вариантах сказано, будто Ибрагим «не раз» присутствовал на ужинах с выдающимися умами Европы, где оживленно дебатировались проблемы, волновавшие французское общество. Так, по замыслу Пушкина, Ибрагим впитывал в себя идеи века **.

Не случайно и другое лицо, с которым имел возможность общаться в Париже молодой Ганнибал, — это автор «Разговоров о множестве миров». С выходом названной книги Бернар ле Бовье де Фонтенель быстро и прочно завоевал славу замечательного популяризатора новых научных взглядов. «Просвещенный ум, — утверждал он, — состоит из умов всех предшествующих веков». Фонтенель был для своего времени ученым-универсалистом

* Подробно см.: Бочаров, С. Г. Поэтика Пушкина: Очерки. — М., 1974. — С. 125.

** Подобным путем, кстати, шло духовное созревание многих молодых философов эпохи Просвещения. См., к примеру, биографию одного из ранних французских материалистов Э. Б. де Кондильяка (Богуславский, В. М. Этьенн Бонпо де Кондильяк. — М., 1984. — С. 11, 12 и др.).

в широкой сфере философии природы: в астрономии, математике, физике, механике *. Хотя Пушкин весьма скромно упоминает о встречах Ганнибала с такой личностью, однако бесследно они не могли пройти для героя романа — молодого инженера и артиллериста, исполненного «желания усовершенствовать свои познания» (VIII, 3).

Любопытно, что в незачеркнутом варианте второй главы, рисующей встречу Ибрагима с «приближенными к государю», воссоздан еще один штрих, имеющий прямое отношение к имени знаменитого ученого: «Шерем<етев>, Брюс расспрашивал его о Фонтенеле» (VIII, 525).

Если обратиться к тексту философской беседы «Вечера у Кантемира», которую вели в российском посольстве в Париже Кантемир, Монтескье и аббат В., то и в ней часто звучит имя одного из зачинателей французского Просвещения — семидесятилетнего Фонтенеля. Каждое упоминание о нем окружено у Батюшкова яркими эпитетами: «книга бессмертного Фонтенеля», «язык остроумного Фонтенеля и глубокомысленного Монтескье», «тонкие выражения и обороты первого щеголя языка французского» и т. п. **

Таким образом, не исключено, что выбор лиц, с которыми Ибрагим «присутствовал на ужинах», восходит к рассказу «Вечер у Кантемира».

Житель Африки, пользующийся благосклонностью русского царя, не мог не быть интересен знаменитому французскому мыслителю. Известно, что Монтескье, оказавшись в молодости современником войны Франции за «испанское наследство» (1701–1714), собирал о ней сведения и несколько позже осудил эту войну в ряде произведений ***. Ибрагим Ганнибал не только участвовал во франко-испанской войне как капитан артиллерии, но «был ранен в голову», и в дни встреч с Монтескье, как сообщал

* См.: Сорокин, Ю. С. У истоков литературного языка нового типа: О переводе «Разговоров о множестве миров» Фонтенеля // Литературный язык XVIII века: Проблема стилистики. — Л., 1982.

** Батюшков, К. Н. Опыты в стихах и прозе. — С. 38, 47. Можно предположить, что факт необычайной популярности Фонтенеля среди просвещенных европейцев мог быть подсказан как Батюшкову, так и Пушкину анекдотами на эту тему из иностранных журналов, напечатанными Н. М. Карамзиным в февральской книжке «Московского журнала» за 1791 г.

*** См.: История зарубежной литературы XVIII века. — М., 1967. — С. 229 (глава написана Ю. И. Божором).

Пушкин, еще «вместо парика носил повязку» (VIII, 5). Рассказы такого очевидца могли быть любопытны знаменитому философу. С другой стороны, будучи активным защитником интересов исконных жителей Африки, Монтескье опять-таки не мог не обратить внимания на Ибрагима.

Упоминая в романе об их встречах, Пушкин давал основание считать, что не только Антиох Кантемир, но и «крестник Петра» мог быть для прославленного философа источником сведений о русском царе*.

Пушкина, можно сказать, в одинаковой мере занимали и подлинная судьба прадеда Ганнибала, и художественный образ, созданный в его воображении на основе семейных легенд и преданий. И в том, и в другом случае перед ним возникала проблема становления человеческой личности, осознания ею своей цели в жизни, причастности к передовым идеям века. Сказанное проясняет интерес Пушкина к французскому периоду жизни героя, к пребыванию его в центре умственного движения того времени.

Батюшков писал о столице Франции, повидав этот город и побывав в местах, связанных с именами выведенных им лиц. Он воссоздавал драматизированную философскую беседу как ученый-историк, тщательно изучив при этом целый ряд источников. Автор «Арапа Петра Великого» также не мог пройти мимо этих обстоятельств в «парижских» главах своего романа. Однако если в центр «Вечера у Кантемира» — художественного произведения, восходящего к литературному жанру «воображаемых разговоров», столь популярному в XVIII в., — поставлены политические и философские проблемы, то внимание Пушкина привлечено к духовному миру героя, к его формированию, к превратностям судьбы. В историческом романе шире и разностороннее прослежен характер общения молодого африканца с «большим светом». Герой постепенно становится проницательнее в понимании людей, их поступков и поведения, их общественной значимости. Ганнибал начинает задумываться над «вечными» вопросами бытия, над особенностями европейской политики, дает оценку ее деятелям. Встречи со знаменитыми мыслителями в непринужденной обстановке — и это несомненно учитывалось Пушкиным — способ-

* Кстати, сходное суждение высказал и А. Н. Веселовский в своем курсе лекций «Влияние Востока на литературы Европы в XVIII и XIX вв.», читанных в Лазаревском институте (М., 1910).

ствовали формированию высокой нравственности Ибрагима. Он постигал важность и значимость государственных интересов, их превосходство над личными, пробовал оценивать поступки человека с точки зрения соответствия их пользе государства. Сказанное нетрудно обнаружить в раздумьях и деятельности Ибрагима, но уже в Петербурге, вблизи «могучего и грозного преобразователя России» (VIII, 11).

Рассматривая характер и объем реминисценций из «Вечера у Кантемира» в «Арапе Петра Великого», важно отметить, что герой Батюшкова возражает Монтескье абстрактно. «Я осмелюсь спорить с великим творцом книги о существе законов и с вами, любезный аббат. Россия пробудилась от глубокого сна, подобно баснословному Эпимениду». Беседа в кабинете посла ведется в отвлеченно-теоретическом плане. «...положим, — продолжает Монтескье, — что правительство <России> образует военных людей, довольно искусных, несколько мореходцев, небольшое число артиллеристов, инженеров и проч. Но скажите, может ли правительство вдохнуть вкус к изящному, к наукам отвлеченным, умозрительным? Какая сила изменит климат? Кто может вам даровать новое небо, новый воздух, новую землю?»*. Пушкин не задает подобных вопросов, но само содержание романа «Арап Петра Великого» дает положительный ответ на них. К примеру, третья глава романа, рисующая столичную ассамблею, служила достойным ответом на риторические вопросы французского просветителя: «...ассамблея была дело должностное, и государь строго требовал присутствия своих приближенных» (VIII, 15). В судьбе Ибрагима, как показывал Пушкин, зримо воплотились идеи социального прогресса, которые осуществлял в России Петр I.

Если Батюшков, воссоздавая беседу Кантемира и Монтескье, ориентировался на «Дух законов», приводил оттуда отдельные суждения, то Пушкин, по нашим наблюдениям, имел в виду другое сочинение Монтескье — «Персидские письма»**, хотя и не упоминает о них. То, что это произведение находилось в сфере внимания Пушкина в процессе работы над «Арапом Петра Велико-

* Батюшков К. Я. Опыты в стихах и прозе. — С. 40, 41.

** Еще в XVIII в. «Персидские письма» были полностью переведены на русский язык. См.: Алексеев, М. П. Монтескье и Кантемир. — С. 63. В рассказе К. И. Батюшкова над переводом «Писем» трудится сам Кантемир, чему приятно удивляется их автор — Монтескье. К сожалению, этот перевод был утерян.

го», отметил в своем дневнике 16 сентября 1827 г., после встречи с поэтом в Михайловском, Алексей Вульф, которому были показаны «первые две главы романа в прозе»: «В молдавской красной шапочке и халате увидел я его за рабочим столом, па коем были разбросаны все принадлежности уборного столика поклонника моды; дружно также на нем лежали <сочинения> Montesquieu» *. В библиотеке Пушкина действительно сохранились «Персидские письма» Монтескье (“Lettres Persanes”) **, причем из 900 страниц книги Пушкиным были разрезаны 715.

В пору работы над «Арапом Петра Великого» указанный роман Монтескье вероятнее всего интересовал Пушкина как произведение, в котором Париж и его нравы были показаны глазами жителей Востока, хотя и условного. Французский просветитель сопоставлял в «Письмах» духовные запросы путешественников из Азии и ограниченность жителей центра европейского мира. Poleмическая направленность произведения отчетливо сознавалась Пушкиным и его единомышленниками ***. Для русского автора не прошла бесследно галерея изысканно одетых светских шалопаев, сатирически изображенных в «Персидских письмах». Их черты, поведение могли быть приняты во внимание при изображении Корсакова или Мервиля ****, но не молодого негра, хотя тот оказывался непременно участником светской жизни. Ибрагим «не пропускал ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представления и предавался общему вихрю со всею пылкостью своих лет и своей породы» (VIII, 4). Духовная близость пушкинского героя к деятелям французского Просвещения ощутима, например, в его равнодушии к религиозным вопросам *****. В процессе приобще-

* Вульф, А. Н. Дневники. — М., 1929. — С. 135–136.

** См.: Пушкин и его современники. — СПб., 1910. — Вып. 9–10. — С. 293. — № 1187.

*** А. А. Дельвиг писал о «Персидских письмах», что «Монтескье хотел представить в них картину <...> понятий своих современников, хотел сказать несколько полезных истин, которых без маскарадного платья не пропустили бы в тогдашнее общество, и достиг своей цели» (Литературная газета. — 1830. — 28 августа. № 48. — С. 97).

**** Подробно см.: Белкин, Д. И. «Арап Петра Великого» А. С. Пушкина и «Персидские письма» Монтескье // Ученые записки Горьковского гос. ун-та им. Лобачевского. — Горький, 1973. — Вып. 160. — С. 122–130.

***** Георг Леец отмечает почти суровую религиозность А. П. Ганнибала и членов его семьи. См. его биографическое исследование: Леец, Г. Абрам Петрович Ганнибал. — Таллин, 1980.

ния к передовым идеям века Ганнибал, как показывал Пушкин, расстается с чертами национальной и расовой ограниченности.

Рассказ о жизни Ганнибала в Париже по времени совпадает с пребыванием там персов Рики и Узбека, персонажей из романа Монтескье. Оба автора симпатизируют ориентальным героям, каждый по-своему отстаивая идеи эпохи Просвещения. Однако гуманизм Пушкина и Монтескье реализовался в разных творческих плоскостях. Французский писатель критикует феодальный строй и его порядки, уродующие человеческое общество. Пушкина же увлек образ положительного героя, выходца из далекой Африки; он изображает такие обстоятельства, когда Ибрагим проявляет высокие нравственные качества. Именно здесь Пушкин оказывается особенно близок к положительной программе деятельности Петра I, которая была изложена Батюшковым в «Вечере у Кантемира».

В беседе с аббатом В. и Монтескье Кантемир отмечал, что «с успехами людскости и просвещения Север беспрестанно изменяется, и <...> прирастает к просвещенной Европе» *. Это происходило, как подчеркивал Батюшков, не в результате изменения климата в России, а потому, что «Петр Великий, преобразуя Россию, старался преобразовать и нравы». Батюшковский Кантемир соглашается с гостями-французами, что «новые обычаи, новые платья, новый род жизни, новый язык не могли еще изменить древних людей». «Иные бояра, надевая парик и новое платье, оставались с прежними предрассудками», а «другие, отложив бороду и длинный кафтан праотеческий, с платьем европейским надевали все пороки, все слабости ваших соотечественников» (т. е. французов) **.

Нетрудно вспомнить, что приведенные мысли и замечания конкретизированы у Пушкина в галерее запоминающихся образов Ржевских, князя Лыкова, Корсакова и др. Налицо художественный прием, аналогичный тому, что отмечен исследователями по отношению Пушкина к отдельным сюжетам стихов Батюшкова, т. е. замена «картинности» «действием» ***. Разумеется, у героев Пушкина связь со своей эпохой была более органична, более сложна, более убедительна, однако здесь нельзя не повторить одно

* Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. — С. 44.

** Там же. — С. 49.

*** Сандомирская, В. Б. К вопросу о датировке помет Пушкина во второй части «Опытов» Батюшкова. — С. 26.

давнишнее наблюдение: «Батюшков послужил исходным пунктом для целой полосы в многостороннем творчестве Пушкина»^{*}.

Влияние «Вечера у Кантемира» на «Арана Петра Великого» было по своему характеру проблемно-тематическим.

Допуская, что некоторые из отмеченных совпадений могли быть чисто случайными, нельзя не признать, что содержание драматизированной философской беседы оставалось в сознании и памяти Пушкина с послелицейских лет и что поэт, обратясь к эпохе Петра I, которую он стремился раскрыть через полуфантастическую судьбу своего прадеда, не мог прейти мимо творения Батюшкова, весьма близкого ему по своей идейной направленности.

Рассматривая «Вечер у Кантемира» в качестве одного из литературных источников «Арапа Петра Великого», автор, конечно же, не упускает из виду, что творческих импульсов, побудивших Пушкина взяться за разработку биографии Ганнибала, как сюжетной основы исторического романа, а также мотивов, из-за которых это произведение осталось незавершенным, было значительно больше, чем это известно пока исследователям.

^{*} Морозов, Л. А. С. Пушкин и Батюшков // Пушкин. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. — СПб., 1907. — Т. 1. — С. 150.

Д. И. Белкин**«Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова
и «Арап Петра Великого» Пушкина**

Печатается по: Белкин, Д. И. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Вып. 22. — С. 121–130.

¹ См. в настоящем издании.

² *Вальтер Скотт* (1771–1832) — считается основоположником жанра исторического романа. Роман «Пират» был опубликован в 1822 г., «Квентин Дорвард», посвященный событиям во Франции времен правления Людовика XI, в 1823 г.

³ *Анри-Бенжамен Констан* (1767–1830) — французско-швейцарский писатель и публицист, политический деятель времен Французской революции, бонапартизма и Реставрации. Автобиографический роман «Адольф», (Женева, 1806; Лондон 1816), был особо отмечен А. С. Пушкиным. Главный герой этого романа стал прототипом романтического героя — «сына века».

⁴ Т. е. *Вольтер* — имя при рождении *Франсуа-Мари Аруэ* (фр. *François Marie Arouet*).

⁵ *Бернар Ле Бовье де Фонтенель* (1657–1757) — французский учёный и писатель. Одно из самых известных его творений — «Беседы о множественности миров» (“*Entretiens sur la pluralité des mondes*”, 1686).

Мария Сергеевна Неклюдова

Преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ, специалист в области французской и английской историографии XVI в.

М. С. Неклюдова**«Милость» / «правосудие»: о французском контексте
пушкинской темы**

Печатается по: Неклюдова, М. С. «Милость» / «правосудие»: о французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. — Тарту, 2000. С. 204–215.

¹ *Кардинал де Рец* (1613—1679) — архиепископ Парижа, выдающийся деятель Фронды, автор знаменитых мемуаров.